

В. П. Алексеев

О ПЕРВИЧНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА НА РАСЫ. ПЕРВИЧНЫЕ ОЧАГИ РАСООБРАЗОВАНИЯ

Постановка проблемы

В советской антропологической литературе широко распространена концепция о делении человечества на три основных расовых ствола — европеоидный, монголоидный и негроидный. Она нашла отражение в первом советском учебнике антропологии в разделе, написанном Я. Я. Рогинским и подводящем итог исследованиям советских специалистов в изучении антропологического состава земного шара в довоенный период¹. Та же концепция была повторена в известной статье Н. Н. Чебоксарова, посвященной расовым классификациям². Аналогичную дифференциацию находим и в учебнике Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина³. Из обобщающих сводок и учебной литературы это представление проникло в популярную⁴, а оттуда — в этнографическую и демографическую литературу. Так, в сводной работе о численности и расселении народов земли утверждается: «Все человечество делится на три большие, или основные, расы: монголоидную, европеоидную и экваториальную (или негроавстралоидную)»⁵. Эта мысль сопровождается следующим примечанием: «Если по вопросу о делениях первого порядка среди антропологов нет каких-либо существенных расхождений, то по вопросу о выделении более мелких таксономических единиц (ветви, расы второго порядка, типы) существует много различных точек зрения». То же встречаем и в новом справочнике по населению земли: «Общепринято выделять три большие расы: монголоидную («желтую»), европеоидную («белую») и экваториальную или негроавстралоидную («черную»)»⁶. Между тем это утверждение не вполне исчерпывает существующие точки зрения.

В обширной литературе по расоведению высказываются разные мнения о числе не только второстепенных более мелких расовых делений, но и первичных, основных рас. Ряд авторов не признает исконного родства западной африканской и восточной австралийской ветвей экваториальной расы и рассматривает их как самостоятельные расовые стволы, таксономически равноценные с европеоидами и монголоидами. Другие авторы идут еще дальше и выделяют две ветви внутри африканских негроидов⁷. Среди советских исследователей также нет полного единст-

¹ В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский, *Антропология*, М., 1941.

² Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XVI, М., 1951.

³ Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, *Основы антропологии*, М., 1955; и х же, *Антропология*, М., 1963.

⁴ См. например: М. Ф. Нестурх, *Человеческие расы*, М., 1965; Т. Д. Гладкова, *Человеческие расы*, М., 1962.

⁵ «Численность и расселение народов мира» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 22.

⁶ «Население земного шара. Справочник по странам», М., 1965, стр. 17.

⁷ См.: C. C o o n, *The origin of races*, London, 1963.

ва мнений по этому вопросу. В. В. Бунак в своих ранних работах выделял в составе народов земного шара большое число генетически независимых расовых стволов. Он полагал, что объединение их на основании нескольких сходных признаков противоречит генеалогическому принципу расовой классификации⁸. В более поздней работе число выделяемых им основных рас уменьшается до четырех⁹.

Наряду с этим можно назвать и противоположную тенденцию — объединение выделяемых основных рас в какие-то более крупные категории. Такая тенденция отражает попытку вдуматься в схему расового деления человечества, генетические связи между расами, учесть все существующие морфологические данные для реконструкции древнейших этапов истории человеческих рас. Совершенно естественно, однако, что сложность этой проблемы исключает пока однозначное ее решение. Иногда цвет кожи рассматривается в качестве наиболее существенного критерия родства рас, и в соответствии с этим светлокожие расы северного полушария — европеоиды и монголоиды — противопоставляются темнокожим расам южного полушария — негроидам и австралоидам¹⁰. Но если не придавать цвету кожи такого существенного значения, а это вполне оправдано ввиду значительной адаптивности данного признака и, следовательно, вероятности существования параллельных рядов изменчивости по нему, то отпадает база для такого объединения и противопоставления южных групп северным. Наоборот, другие морфологические факты позволяют противопоставлять западную область эйкумены восточной, т. е. объединять европеоидов с негроидами и отличать их в целом от монголоидов¹¹. К последней точке зрения присоединился, правда, без специальной аргументации, и Г. Ф. Дебец¹². Но дело даже не в том, как группировать выделенные варианты — монголоидов с европеоидами и противопоставлять их негроидам или, наоборот, объединять последних с европеоидами и противопоставлять монголоидам. Важно, что такая группировка отражает генезис основных расовых делений, которые при объединении выступают как вторичные ветви, и число основных, или, как у нас принято говорить и писать, больших рас уменьшается до двух.

Итак, в работах крупнейших современных авторитетов в области расоведения число основных расовых стволов колеблется от двух до пяти. Правда, схема трехчленного деления находит больше сторонников, чем другие, но во всяком случае ее нельзя считать общепринятой. Таким образом, существующее состояние разработки расовой классификации человечества на уровне основных категорий не дает оснований для приведенных выше утверждений этнографов. Разные суждения о числе рас демонстрируют в то же время бесполезность рассмотрения этого вопроса с использованием новых данных и сопоставлением разных гипотез и их теоретической основы.

Критические замечания по поводу схемы трехчленного деления человечества

На заре истории антропологии расы выделялись, в сущности, по наиболее числу признаков — цвету волос, глаз и кожи, форме волос, строению мягких тканей лица и другим внешним особенностям. В даль-

⁸ В. В. Бунак, Расы, «Большая медицинская энциклопедия», т. 28, М., 1934.

⁹ В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования, «Сов. этнография», 1956, № 1.

¹⁰ A. Keith, A new theory of human evolution, New York, 1949; R. Biasutti, Le razze e i popoli della terra, t. I, Torino, 1953.

¹¹ Я. Я. Рогинский, Человеческие расы. В кн.: В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский, Антропология.

¹² Г. Ф. Дебец, Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1958, № 4.

нейшем накопился огромный материал и по таким системам как группы крови, дерматоглифика, одонтология, вкусовые и двигательные реакции и многие другие физиологические показатели. Все эти признаки обнаружили географическую дифференциацию и поэтому не менее пригодны для выделения расовых вариантов, чем морфологические особенности. Их значение выявляется еще и в том, что они отражают более глубокие процессы жизнедеятельности организма, чем большинство внешних морфологических признаков. С изучением перечисленных особенностей характеристика больших рас приобрела исключительную полноту и может быть проведена по целому ряду функционально не связанных друг с другом систем. Это обстоятельство — отсутствие тесной морфо-физиологической корреляции между группами крови и пальцевыми и ладонными узорами, между вариациями строения зубов и белками крови, между двигательными и вкусовыми реакциями, с одной стороны, и морфологическими признаками, с другой, и т. д. — особенно важно. Оно позволяет проверить действительную реальность существования больших рас, выделенных на основании морфологии. Это является важным этапом в изучении вопроса о том, представляет ли собой раса только морфологическое или морфо-физиологическое понятие и в какой мере показатели по разным системам органов, совпадая, соответствуют схеме деления современного человечества на три основных расовых ствола.

Все проведенные до сих пор исследования обнаружили значительное несоответствие между вариациями различных комплексов признаков (антропометрических, изосерологических, физиологических, дерматоглифических, одонтологических) в межгрупповом масштабе в пределах всех трех больших рас. Параллелизм между вариациями разнохарактерных признаков (т. е. параллельные ряды изменчивости) практически очень редок. Суммируя данные по изосерологическим реакциям, У. Бойд подразделил все современное человечество на шесть рас по соотношению групп крови¹³. Позже он усовершенствовал свою схему, придав ей более разветвленную форму, и выделил вместо шести тринадцать рас¹⁴. Обращает внимание несоответствие классификации Бойда с морфологической классификацией. Он выделил в европейской группе четыре подгруппы (лапоноидную, северо-западную, объединенную центральную и восточную, средиземноморскую), в азиатской — две (собственно азиатскую и индо-дравидийскую), в тихоокеанской (так он назвал австралийскую группу) — четыре (собственно австралийскую, индонезийскую, меланезийскую и полинезийскую).

Однако гораздо важнее несовпадения числа рас по морфологическим и изосерологическим признакам (в конце концов, всякая группировка может отражать и субъективные установки исследователя, который ее предлагает), случаи резкого расхождения в вариациях тех и других. Так, общеизвестны резкие различия между народами Индии и Восточной Азии по морфологическим признакам. Эти народы относятся не только к разным большим расам (монголоиды и европеоиды с негроидной примесью), но и в их пределах занимают по многим признакам крайнее место, составляя весь диапазон межгрупповых вариаций по земному шару. Антропологический тип многих народов Индии отличается резкой грацильностью, и по скуловому диаметру они приближаются к мировому минимуму. Между тем восточные монголоиды, и особенно их сибирская ветвь, характеризуются очень большими размерами лица, уступая в этом отношении только отдельным индейским племенам Аргентины. На фоне этих различий неожиданным выглядит сходство по соотношению групп крови: в Индии, как и в Восточной Азии, высок процент *B* и вообще сходны частоты распределения генов систем *ABO* и *MN*.

¹³ W. B o y d, Genetics and the races of man, Boston, 1950.

¹⁴ W. B o y d, Genetics and the races of man, Boston University lecture, 1958.

Другой аналогичный пример — одонтологические признаки. Негры и европейцы, резко различающиеся по пигментации, форме волос и строению мягких частей лица и занимающие противоположные полюсы в пределах современного человечества по этим признакам, сходны в то же время по строению зубной системы и противопоставляются в этом отношении монголоидам. Негров и европейцев объединяет низкий процент индивидуумов с лопатообразными резцами, отсутствие поперечного гребня тригонида на первом нижнем моляре, большой процент индивидуумов с бугорком Карабелли и т. д. Монголоиды, наоборот, отличаются противоположным сочетанием признаков, к которым прибавляется большой процент затеков эмали на молярах¹⁵. Таким образом, по одонтологическим вариациям наблюдается явное расхождение с традиционной схемой деления человечества на три большие расы. Эта несопоставимость собственно морфологических и одонтологических данных может быть отмечена и на более низком таксономическом уровне. Полинезийцы, например, чрезвычайно своеобразны по своему антропологическому типу, и все попытки найти им в расовой классификации точное место, которое соответствовало бы их морфологическому облику, не привели к однозначному решению. До сих пор остаются открытыми вопросы об отсутствии или наличии в их составе европеоидной примеси, о причинах своеобразного сочетания в их морфологическом типе монголоидных и негроидных признаков, о сходстве их по антропологическим данным с американскими индейцами. Именно этим и объясняется использование исследователями одних и тех же антропологических материалов для доказательства прямо противоположных концепций — заселения Полинезии с запада или с востока (примером может служить острая дискуссия вокруг гипотезы Т. Хейердала, которая ведется с широким привлечением антропологических данных). Между тем по одонтологическим вариациям положение полинезийцев вполне определено — они обнаруживают значительное сходство с народами Юго-Восточной Азии¹⁶. Близкая к современности краниологическая серия из Восточной Латвии, датируемая XVIII в., характеризуется в общем европеоидным комплексом признаков лишь с небольшим тяготением в монголоидном направлении. По строению же зубов это тяготение выражено гораздо более отчетливо, и серия в целом приближается к промежуточным вариантам¹⁷.

Сходная картина выявляется и при сопоставлении физиологических (вкусовая реакция на фенилтиокарбамид, двигательные реакции, ушная сера, цветная слепота) и дерматоглифических данных с морфологическими. И физиологические, и дерматоглифические особенности чрезвычайно широко варьируют в пределах всех больших рас, и географическое размещение их не обнаруживает определенного соответствия при сравнении карт распределения каждого признака по эйкумене. Другими словами, территориальные комплексы, выявляемые по каждому признаку, не совпадают по разным системам (дерматоглифика и реакция на фенилтиокарбамид, цветная слепота и двигательные реакции и т. д.) и не дают совпадений также и с морфологическими типами. Таким образом, резюмируя, можно сказать, что деление человечества на три большие расы, основанное на морфологии, не находит подтверждения ни в физиологических признаках, ни в морфологических (если рассматривать морфологию, включая в нее дополнительные системы — дерматоглифику и

¹⁵ Исследования многих одонтологов, обобщенные и продолженные в Советском Союзе А. А. Зубовым. См.: А. А. Зубов, Некоторые антропологические аспекты морфологии постоянных больших зубов современного человека. Автореферат диссертации, М., 1964.

¹⁶ A. Riesenfeld, Shovel-shaped incisors and a few other dental features among the native peoples of the Pacific, «Amer. journal of physical anthropology», new series, vol. 14, 1956, № 3.

¹⁷ А. А. Зубов, Антропологическая одонтология и исторические науки, «Сов. этнография», 1965, № 1.

одонтологии). Три большие расы представляют собою, очевидно, преимущественно морфологическую конструкцию и, следовательно, не охватывают многообразия типов современного человечества по всем территориально варьирующим признакам. В этом заключается существенный недостаток традиционной схемы трехчленного деления человечества.

Кроме отсутствия параллелизма в вариациях разных систем против этой схемы может быть выдвинуто и еще одно возражение, основанное на разнохарактерности больших рас в морфологическом отношении и неоднородной структуре их географических ареалов. Под морфологической разнохарактерностью больших рас подразумевается несовпадение амплитуды колебаний многих признаков в пределах каждого ствола и

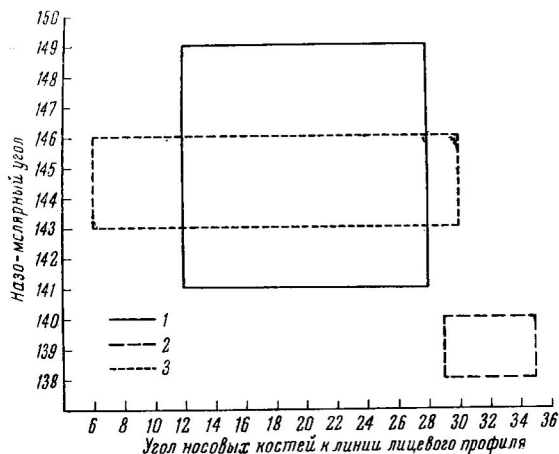

Рис. 1. Сопоставление изменчивости трех больших рас по краниологическим признакам: 1 — монголоиды (включая американоидов); 2 — европеоиды; 3 — негроиды (включая австралоидов)

значительны вариации этого признака у представителей негроидного ствола — в бушменской серии угол носовых костей равен 5—6°, близкие величины зафиксированы в других сериях африканских негров, тогда как многие группы папуасов отличаются сильно выступающим носом (рис. 1).

Другой пример — интенсивность пигментации. Для негроидных типов характерна интенсивно-темная пигментация (хотя и обнаруживающая известные вариации), и только австралийцам свойственна несколько менее темная кожа, чем у негров. Представители монголоидной расы также довольно однородны по этому признаку, и эскимосы, например, вряд ли более светлокожи, чем южные монголоиды. Зато европеоиды обнаруживают как в цвете кожи, так и в цвете волос и глаз целую гамму переходов от резкой депигментации (население Скандинавии) до очень интенсивной пигментации (население южной Италии, южной Франции, Испании). Третий пример — горизонтальная уплощенность лицевого скелета, иллюстрацией и определителем которой может служить назомалиарный угол. Как известно, в европеоидных сериях он колеблется от 135 до 141°. Его колебания в пределах азиатской ветви монголоидной расы соответствуют приблизительно величине от 144 до 150°. Но американские индейцы по имеющимся, хотя и очень немногочисленным, данным не отличаются по величине этого угла от европейцев. Правда, речь идет о тех европеоидных сериях, которые характеризуются максимальными величинами, но и в этом случае диапазон изменчивости у монголоидов увеличивается на 4°. Таким образом, монголоиды в целом почти вдвое более изменчивы по этому признаку, чем европеоиды. Что же касается негроидов, то для них характерны стабильные величины,

разный характер их межгрупповых сочетаний. По амплитуде колебаний расы заметно различаются, даже когда речь идет о признаках высокого дифференцирующего значения, по которым и наблюдаются наибольшие расхождения между представителями разных рас. По углу выступления носовых костей к линии лицевого профиля на черепе различия между крайними вариантами европеоидной расы — приблизительно 5—6° (29—35°). В то же время у монголоидов размах изменчивости этого признака составляет 10—11° (12—23°), включая американоидов — 15—16° (12—28°). Еще более

Аналогичные примеры можно умножать до бесконечности. Но общий вывод, который из них следует, ясен и так — в пределах больших рас неодинаковы пределы колебаний дифференцирующих их признаков, а следовательно, неодинаков и объем самих рас по свойственной им изменчивости. Это находит выражение и в таксономическом отношении — каждая большая раса представляет собою пучок более мелких вариантов, число которых колеблется очень значительно и которые отличаются друг от друга разной морфологической спецификой. Здесь мы затрагиваем уже проблему разного направления межгрупповой изменчивости в пределах каждого из больших расовых стволов. Например, австралоиды отличаются от африканских типов целым комплексом признаков, в состав которого входят и строение мягких тканей лица, и пигментация, и строение зубов, и форма волос. Между тем северные европейцы отличаются от южных лишь интенсивностью пигментации. Постоянно ведущийся поиск других дифференцирующих признаков увенчался успехом лишь отчасти — были выявлены различия в строении зубной системы. Подразделение на типы внутри европеоидной расы достаточно объективно, когда дело касается южной ветви, более условно в пределах северной ветви (восточные группы отличаются от западных не каким-нибудь специфическим сочетанием признаков, а лишь наличием монголоидной примеси) и крайне затруднено в Центральной Европе, где территориальные варианты характеризуются самыми противоречивыми морфологическими комплексами. Этим в значительной мере объясняется весьма нигилистическое отношение к генетическому единству европеоидной расы со стороны некоторых исследователей¹⁸. Правда, их точка зрения подверглась критике¹⁹, но значение ее уменьшается тем обстоятельством, что в число объединяющих всех европеоидов признаков включена пигментация — признак с высокими адаптивными свойствами. В известной степени это относится и к такому признаку, как выступание носа. Адаптивные признаки составляют вообще значительный процент в комплексе дифференцирующих расовых признаков. А это всегда создавало предпосылки для параллелизмов в изменчивости — вспомним сходство койсанских народов с монголоидами. Таким образом, не только неодинаковый диапазон изменчивости, но и различный характер типологической дифференциации свидетельствуют об известной искусственности последней, если пытаться свести все имеющееся многообразие рас к схеме трехчленного деления человечества.

Неоднородность расовых ареалов четко проявляется при сравнении ареала негроидной расы с ареалами монголоидов и европеоидов. Последние занимают компактные ареалы, что соответствует роли географического распределения признаков в выделении расовых типов. Представители же негроидной расы разбиты на два ареала — в Австралии и Африке, не связанные друг с другом. Правда, сторонники генетического единства негроидной расы полагают, что раньше эти два ареала были слиты в один компактный ареал, соединяясь мостом через Переднюю Азию и Индию. В защиту этой гипотезы приводятся некоторые косвенные аргументы, основанные на рассмотрении единичных и очень фрагментарных палеоантропологических находок²⁰. Можно было бы к ним добавить в качестве еще одного аргумента следы негроидных и австралоидных типов, распространенные в Передней Азии и Индии. Их можно рассматривать как реликтовые, но убедительность гипотезы единого ареала негроидной расы в древности не становится от этого более оче-

¹⁸ См., например, В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования.

¹⁹ Г. Ф. Дебец, О принципах классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1958, № 1.

²⁰ См., например: Г. Ф. Дебец, Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии, сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XVI, М., 1951.

видной, так как подобный аргумент в ее пользу также является косвенным. Таким образом, с точки зрения географического распределения рас и географии расообразования, деление первоначальной эйкумены на три очага расообразования не выглядит достаточно оправданным теоретически, а главное, фактически обоснованным.

Наконец, кроме разнохарактерности расовых категорий первого порядка и неоднородной структуры их расовых ареалов, против деления человечества на три основные расы свидетельствует и наличие большого числа промежуточных и специфических вариантов рас. Эти варианты не находят себе места в существующей систематике. Примеров тому много — койсанские народы в составе негроидной расы, лопари, которых относят попеременно то к монголоидам, то к европеоидам, айны, в которых сочетаются признаки всех больших рас, полинезийцы, которые отличаются от айнов, но также сочетают в своем антропологическом типе отличительные черты всех трех рас, наконец, пигмеи африканские и азиатские, которых то объединяют в один ствол, то рассматривают как параллельно возникшие варианты в составе западной африканской и восточной австралийской ветвей тропических типов. Невозможность разнести их по рубрикам схемы трехчленного деления говорит о ее недостаточности и в то же время о недостаточности существующих критериев для точной таксономической дефиниции. Последнее, возможно, объясняется тем, что эти критерии выработаны на основе той же самой схемы трехчленного деления. С другой стороны, исключений, подобных перечисленным выше и не подходящих под эту схему, много, и их число по сравнению с приведенным перечнем может быть значительно увеличено (европеоидные и негроидные особенности в морфологическом типе американских индейцев, европеоидные особенности в морфологическом типе некоторых территориальных групп австралийцев и т. д.).

О двух первичных очагах расообразования

Говоря о первичных очагах расообразования, следует подразумевать под ними те территории, на которых расообразовательный процесс впервые приобрел определенное направление, выразившееся в конечном итоге в формировании определенного комплекса признаков — например, монголоидного или негроидного. Наиболее острая дискуссия велась и ведется до сих пор по вопросу о том, к какому времени нужно относить выделение первичных очагов расообразования. В зависимости от этого сформулированы моноцентрическая и полицентрическая гипотезы происхождения современных рас. Изложенное здесь понимание первичных очагов расообразования снимает до известной степени остроту дискуссии между сторонниками этих двух гипотез, так как речь идет при таком понимании не о сложении расовых комплексов в целом, а лишь о появлении зачатков этих комплексов — отдельных признаков и их групп, которые потом сформируются в целые комплексы. Поэтому автор видит возможность примирения двух положений — о довольно позднем сложении расовых комплексов первого порядка, в целом формирующихся не раньше верхнего палеолита, а то и мезолита, и о чрезвычайно раннем появлении первых отличительных признаков больших рас, которые в отдельных случаях могут быть прослежены начиная с нижнего палеолита (в частности, у монголоидов). Такой подход предполагает этапность расообразовательного процесса, но она не является лишней характеристикой интенсивности расообразования во времени, а отражает объективно существующие сдвиги в интенсивности и представляет собой результат разной скорости изменений расовых комплексов.

Общеизвестно, что палеоантропологические находки, иллюстрирующие первые этапы истории семейства гоминид, крайне малочисленны и фрагментарны. Поэтому большое значение для выявления локальных

группировок первобытного человечества приобретает более многочисленный археологический материал, особенно, когда речь идет об эпохе нижнего палеолита, для которой палеоантропологические находки исключительно редки. Этот материал позволяет выделить в общем две области. Первая из них характеризуется подавляющим преобладанием в каменном инвентаре ручных рубил. Рубила составляют практически единственную форму орудий, известную из местонахождений этой области, и сопровождаются лишь отщепами. Производственная традиция изготавливать ручные рубила охватывала южные районы Западной, Центральной и Восточной Европы, всю Африку, Кавказ, Переднюю, Южную и Юго-Восточную Азию. В мустьерское время наметилось своеобразие памятников Африки, еще не до конца понятое и объясненное²¹.

Вторая область локализуется гораздо уже — в Центральной и Восточной Азии. В ряде местонахождений этой области своеобразие каменного инвентаря объясняется необычным материалом — в Чжоукоудяне, например, орудия делались из кварцита, отличающегося от кремня и требующего специальных приемов обработки. Об этом писал еще Б. Л. Богаевский в известной книге по истории первобытной техники²². Но кроме своеобразия материала, для этой культурной области были характерны и свои традиции его обработки. Основной формой орудий здесь были грубые рубящие орудия, получившие наименование чопперов. Параллельно с ними найдены и ручные рубила, но в значительно меньшем количестве, чем чопперы²³. Таким образом, на небольшой, по сравнению с первой областью, территории, замкнутой на севере пустынями и полупустынями, на западе — огромными горными цепями Куэнь-Луня и Тибета, а на юге — сотнями километров непроходимых джунглей, осела в эпоху нижнего палеолита локальная группа, изолированная от остального мира и обладавшая специфическими технологическими приемами обработки кремня с целью изготовления орудий труда. Эта группа, хотя и малочисленная по сравнению с остальным населением, но состоявшая наверняка из десятков и даже сотен отдельных мелких популяций, противопоставилась в силу изоляции всему остальному населению эйкумены и могла послужить, надо думать, основой формирования современных монголоидов.

Для характеристики антропологического типа древнейшего населения восточного очага в нашем распоряжении имеется обширный и хорошо описанный костный материал по синантропу. Автор наиболее обстоятельных публикаций по синантропу Ф. Вейденрейх отметил ряд сходных черт в морфологии синантропа и современных монголоидов — широкое и высокое лицо, лопатообразность передних резцов, уплощенность лицевого скелета в горизонтальном плане. Однако наблюдения эти, исключая лопатообразность резцов, были сделаны на реставрированном черепе и поэтому им трудно придавать серьезное значение. Роль лопатообразности передних резцов как расового показателя демонстрируется разной частотой фиксации этого признака у представителей различных рас, и новейшие исследования доказывают это с полной определенностью²⁴. Если для монголоидных популяций процент индивидуумов с

²¹ Выделение этой области было произведено Х. Мовиусом (H. Movius, *Early man and pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia*, «Papers of the Peabody Museum of American archaeology and ethnology», Harvard University, vol. XIX, № 3, Cambridge — Massachusetts, 1949). Оно затем неоднократно подтверждалось. См., например: В. С. Сорокин, О локальных различиях в культуре нижнего палеолита, «Сов. этнография», 1953, № 3.

²² Б. Л. Богаевский, *Техника первобытно-коммунистического общества*, М.—Л., 1936.

²³ Характеристику этого района см.: В. Е. Ларичев, К вопросу о локальных культурах нижнего палеолита в Восточной и Центральной Азии, сб. «Археология и этнография Дальнего Востока», Новосибирск, 1964.

²⁴ Сводку основных метрических данных см.: V. Carbonell, Variations in the frequency of shovel-shaped incisors in different populations, «Dental anthropology»,

лопатообразными резцами обычно приближается к 80—90, то у скандинавов этот процент колеблется ниже десяти. Отмечены и другие мелкие детали строения зубной системы, по которым синантроп сходен с современными монголоидами. А так как все они автономны от воздействий среды и наследственно детерминированы, то можно утверждать на основании этого сходства, что синантроп связан с современными монголоидами прямой генетической преемственностью. Кстати, статистический анализ, произведенный Я. Я. Рогинским, показал, что при сравнении с современными расами по сумме многих признаков синантроп в наименьшей степени отличается от монголоидных рас.

Как складывался в дальнейшем характерный для монголоидов комплекс морфологических особенностей? Единичные находки черепов неандертальцев на территории Китая ничего не дают для освещения этого вопроса из-за своей крайней фрагментарности. На черепах из верхнепалеолитических погребений монголоидный комплекс признаков еще не выражен в полной мере. Небольшая серия черепов из Верхней пещеры Чжоукоудяня отличается довольно умеренным выступанием носовых костей, но уплощенность лицевого скелета в этой серии относительно невелика, а на черепе из Люцзяна при уплощенности лицевого скелета и носовых костей очень мала высота лица и довольно низкие орбиты. Такая неполная выраженность монголоидных особенностей на верхнепалеолитических черепах согласуется с хорошо обоснованной и фактически, и теоретически гипотезой известной нейтральности протоморфного монголоидного типа, лучше всего сохранившегося в разных группах американских индейцев²⁵. В неолитических сериях из Китая и Забайкалья фиксируется четко выраженный монголоидный комплекс. Таким образом, в формировании отличительных особенностей монголоидной расы можно наметить три этапа: возникновение монголоидных особенностей в строении зубной системы, в частности лопатообразности в эпоху нижнего палеолита, появление тенденции к уплощенности лицевого скелета и носовых костей в верхнепалеолитическое время и, наконец, увеличение высоты, а может быть, и ширины лица и сложение монголоидного комплекса в его современной формации в неолите или раньше — в мезолите.

История западного очага может быть обрисована палеоантропологическими данными с гораздо меньшей определенностью, хотя в целом этих данных и больше. В той мере, в какой эта определенность может быть достигнута, она касается лишь западных областей западного очага — Африки, Европы, Передней Азии, так как только в этих областях сосредоточены находки, которые дают полноценную информацию. От яванских питекантропов не дошли кости лицевого скелета (питекантроп IV слишком примитивен и не может считаться представительным для всей группы), и многие известные нам детали их морфологии явно характерны только для этой островной группы. Однако критериев для выделения их из комплекса типологических признаков у нас нет. Ф. Вейденрейх считал яванских питекантропов предками австралоидов, сближая их морфологически на основании развития сагиттального валика, — слишком шаткое соображение, если учесть, что на черепах питекантропов валик может представлять собою стадияльное образование. Африканские находки неандертальцев и находки в Нгандонге на Яве сближаются по целому комплексу морфологических признаков. М. А. Гремяцкий, вероятно, первым выделил их в особую группу в составе неан-

Oxford — London — New York — Paris, 1963; M. Suzuki, T. Sakai, Shovel-shaped incisors among the living Polynesians, «Amer. journal of physical anthropology», new series, vol. 22, 1964, № 1.

²⁵ Я. Я. Рогинский, Проблема происхождения монгольского расового типа, «Антропологический журнал», 1937, № 2.

дертальцев²⁶. Но особенности строения лицевого скелета в этой группе также известны лишь по одному черепу из Родезии. Кроме того, датировка всех имеющихся находок, входящих в группу, очень поздняя, и в морфологическом типе их сочетаются несколько прогрессивных признаков с явным архаизмом. Поэтому вся группа производит впечатление реликтовой и могла представлять собою боковое ответвление, по которому трудно судить о прямой линии эволюции в пределах западного ареала. Это тем более так, что географически африканские находки и находки в Нгандонге разобщены огромным расстоянием, и связь их в пространстве не менее спорна, чем связь африканских негров с австралийцами.

Исключив эти находки, мы располагаем палеоантропологическим материалом практически только по неандертальской группе. Из этой группы обычно выделяют поздних европейских палеоантропов, отличающихся некоторыми специализированными особенностями, по которым они отстоят от исходной формы даже дальше, чем современные люди. По мнению многих исследователей, этого достаточно для того, чтобы исключить их из человеческой родословной либо полностью, либо частично. Автор считает такую точку зрения совершенно неверной, хотя и не претендует на то, чтобы его точка зрения считалась более объективной, чем противоположная. Однако так или иначе поздние палеоантропы в силу своего геологического возраста не могут рассматриваться как исходные формы, и поэтому оставлены здесь без внимания вне зависимости от решения вопроса об их месте в системе и участии в формировании человека современного типа. На роль таких исходных форм, правда, уже проделавших длинный путь эволюции, могут претендовать ранние западноевропейские и палестинские палеоантропы (находки в Шанидаре, до появления полного описания, остаются пока морфологически недостаточно ясными). Из западноевропейских находок лицевой скелет сохранился только у черепов из Саккопасторе и Штейнгейма, а из палестинских — в достаточно полном виде у черепов из пещеры Схул (по черепам из Кафзеха не опубликовано еще никаких цифровых данных).

Лицевой скелет женского черепа из Саккопасторе очень широк и высок, чем этот череп резко отличается от европеоидных серий, но что является типичной неандертальской особенностью. Череп же из Штейнгейма характеризуется малыми размерами лицевого скелета и в этом отношении не выходит за пределы типичных современных вариаций. К сожалению, о вертикальном профиле лицевого скелета судить невозможно, но в горизонтальной плоскости он профилирован довольно резко. Грушевидное отверстие широкое, что представляет собою характерную черту неандертальского типа, но что свойственно также и современным типам тропического расового ствола. Правда, по некоторым другим признакам, в частности развитию надбровного валика, палеоантроп из Штейнгейма был примитивен, но определенный архаизм не только по отдельным признакам, но и по их сочетаниям был свойствен даже такой в целом прогрессивной группе, как черепа из пещеры Схул. Я. Я. Рогинский отметил в этой популяции проявление отличительных признаков всех трех больших современных рас: негроавстралоидных на черепе Схул V, европеоидных на черепе Схул IV и монголоидных на черепе Схул IX (остальные черепа сохранились, как известно, значительно хуже)²⁷. Для последнего, как мне представляется, нет достаточных морфологических оснований — череп Схул IX отличается значительной уплощенностью лицевого скелета на уровне назомаллярных точек, но один признак даже высокого таксономического значения на одном чере-

²⁶ М. А. Гремяцкий, Проблема промежуточных и переходных форм от неандертальского типа человека к современному, «Уч. записки МГУ», вып. 115, 1948.

²⁷ Я. Я. Рогинский, Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас, М., 1949.

не представляет собою слишком малую фактическую базу для ответственного вывода о монголоидности этого черепа, хотя он и сделан Я. Я. Рогинским с большими оговорками. Что касается двух остальных комбинаций, то они действительно выражены вполне отчетливо. Череп Схул V прогнатен и широконос, он сохранил эти свои особенности даже после повторной реконструкции²⁸. Одна из этих особенностей — выступание лицевого скелета в вертикальной плоскости — нехарактерна для европейских неандертальцев и имеет поэтому особое значение. Череп Схул IV, наоборот, ортогнатен, отличается резкой горизонтальной профилировкой и сильно выступающими носовыми костями.

Итак, на территории западного ареала, приблизительно в его центральном районе, мы застаем в эпоху мустье два морфологических типа, один из которых может быть сближен с современными европеоидами, другой — с австралоидами. К сожалению, на этом кончается информация, извлекаемая из палеоантропологических данных. Сравнительная древность этих типов устанавливается на основании морфологии и общетеоретических соображений, которые, конечно, сами по себе не бесспорны. Перед нами для выбора несколько возможностей: а) негроавстралоидная комбинация признаков — самая древняя и от нее происходит европеоидная; б) обратное соотношение; в) в пещере Схул мы сталкиваемся с представителями недифференцированной популяции, в составе которой представлены оба типа; г) в пещере Схул обнаружена смешанная популяция, и мы застаем первое поколение после начала смешения между европеоидами и негроавстралоидами; следовательно, нужно признать их чрезвычайно раннее домустьерское оформление в самостоятельные расовые стволы. Две последние гипотезы обсуждались неоднократно. Я сразу же отмечаю последнюю, так как, во-первых, нет данных, указывающих на столь раннее домустьерское появление европеоидов и негроавстралоидов, во-вторых, нет оснований предполагать, что по счастливой случайности именно первое поколение после начала смешения захоронило своих покойников в пещере Схул. Малая вероятность такого события слишком очевидна, чтобы ее нужно было всерьез доказывать. Первая и вторая гипотезы также кажутся малоприемлемыми, так как прямая трансформация морфологического типа до такой степени, чтобы сначала утратились черты одной большей расы, а затем были приобретены особенности другой, ни разу не отмечена ни в палеоантропологических, ни в соматологических исследованиях. Таким образом, остается третья гипотеза — гипотеза недифференцированности населения пещеры Схул, которая соответствует наиболее полно эмпирическим наблюдениям (оба черепа с европеоидными и негроавстралоидными чертами найдены в одной пещере, что означает проявление морфологически разнородных комбинаций признаков в одной популяции) и наиболее оправдана теоретически (существование недифференцированных популяций — весьма вероятное явление для мустьерской эпохи).

Резко выраженные европеоидные и негроавстралоидные комбинации признаков, разумеется, представляли собою уклоняющиеся варианты в такой недифференцированной популяции. В целом же (не по внутригрупповому распределению вариантов, а по средним величинам) она занимала, очевидно, по большинству признаков промежуточное положение между современными европеоидами и негроавстралоидами. Череп Схул V, на котором не очень резко выражены особенности негроидной расы и который по ширине носа и прогнатизму больше похож на череп австралийца, чем на череп негра, ближе, по-видимому, к среднему типу своей популяции, чем череп Схул IV, на котором так отчетливо фиксируются европеоидные черты. То же можно сказать и про череп из Штейн-

²⁸ Ch. S. Snow, The ancient Palestinian: Skhul V reconstruction, «Amer. school of prehistoric research», bulletin 17, 1953.

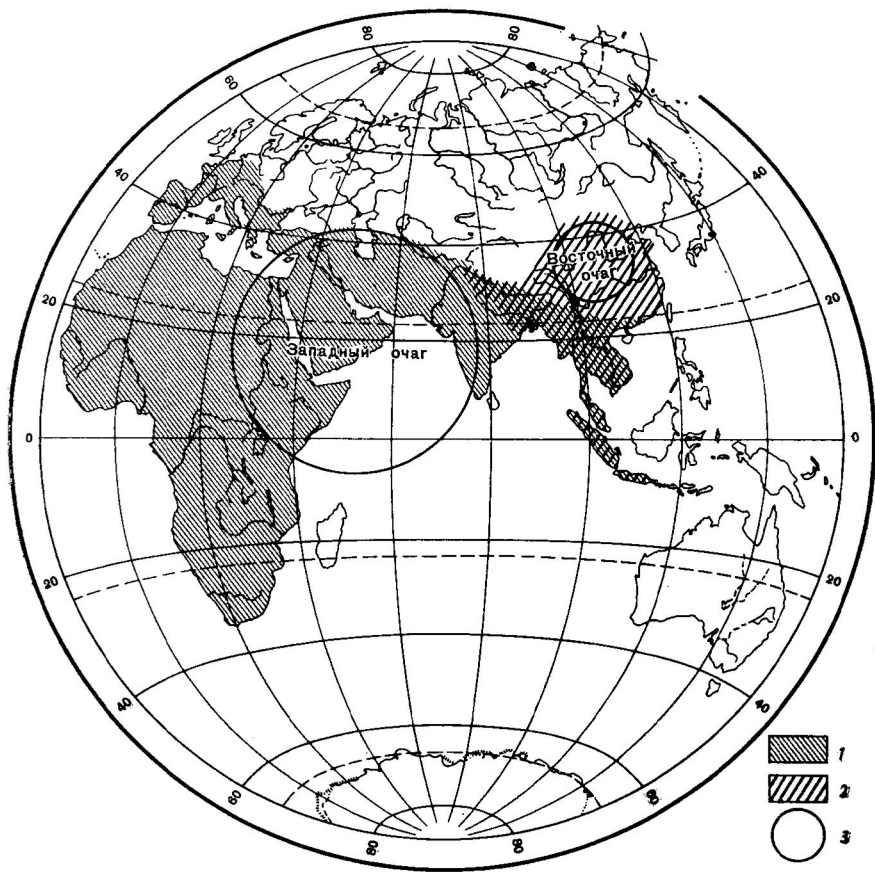

Рис. 2. Географическое распространение нижнепалеолитических культур и первичных очагов расообразования:

1 — преобладающее распространение двухсторонне обработанных орудий; 2 — преобладающее распространение чопперов; 3 — первичные очаги расообразования

гейма, европеоидность которого вряд ли представляла типичную групповую черту: скорее она была отклоняющимся вариантом. Автор склонен думать, что недифференцированные популяции, соединявшие в своем физическом облике как европеоидные, так и негроидные признаки, а по среднему типу стоявшие из современных рас ближе всего к австралоидам, составляли основное ядро населения Европы и Африки в мустьерское время. Морфологическим аргументом в пользу такого предположения служит известная нейтральность австралоидов по отношению к европейцам и африканским неграм, их промежуточное место между классическими представителями европеоидной и негроидной рас по основным признакам. Если бы мы заведомо знали, что между европеоидами и африканскими негроидами существовала генетическая связь и нужно было представить себе исходный прототип, то ему были бы приписаны волнистые волосы, темная, но более светлая, чем у негров, кожа, широконосость и прогнатность, опять-таки менее резко выраженные, чем у коренного населения Африки, умеренная массивность. Все это — характерные черты австралоидной расы. К этому следует добавить, что и негры, и европейцы сходны по возрастной динамике расовых признаков — выраженность расовых черт с возрастом усиливается²⁹. Это

²⁹ Я. Я. Рогинский, К вопросу о возрастных изменениях расовых признаков у человека (в утреннем периоде и в детстве), «Антропологический сборник», II, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. I, М., 1960.

означает, что сходство в расовых признаках у детей негров и европейцев больше, чем у взрослых людей. Этим они резко отличаются от детей монголоидов, у которых признаки расы выражены наиболее сильно именно в детском возрасте. Этот факт свидетельствует о сравнительно позднем отделении негроидов и европеоидов друг от друга, во всяком случае более позднем, чем отделение тех и других от монголоидов. Он же косвенно говорит еще раз о том, что исходной для обоих типов была австралоидная комбинация признаков (рис. 2).

Представляется весьма вероятным, что на основе этой «австралоидности», сочетавшейся с характерными неандертальскими особенностями, сформировались при переходе к человеку современного вида и европеоидный и австралоидный комплексы уже в чистом виде. О европеоидном комплексе нечего специально говорить — его протоморфный вариант известен достаточно хорошо по многим европейским находкам. Австралоидный комплекс был также достаточно широко распространен не только в Африке (череп из Флорисбада и Кэйп-Флэтса), но и в Южной Европе (череп из гротов Ментоны, Маркиной горы, частично Комб-Капелля). Что же касается типично негроидных особенностей, то они, очевидно, сформировались позднее австралоидного комплекса. Во всяком случае даже на ископаемом черепе из Фиш-Хука, который неоднократно сближался с негроидными сериями, эти особенности выражены в комплексе менее четко, чем на негрских черепках. Таким образом, для западного очага расообразования можно констатировать, как и для восточного, этапность расообразовательного процесса. Первым этапом было формирование недифференцированных популяций палеоантропов, отличавшихся прогнатностью и широконосою и напоминавших по типу Схул V. В этих популяциях проявлялись отклоняющиеся от среднего типа комбинации с накоплением то европеоидных, то чисто негроидных признаков. Археологически этот тип может быть датирован ашельским и мустьерским временем. Второй этап — сложение на базе этих популяций при переходе к современному человеку сначала австралоидного, а затем европеоидного комплексов в их протоморфных вариантах. Это эпоха верхнего палеолита. Наконец третий этап связан с возникновением типично негроидной комбинации признаков в ее африканском варианте. Полагаю, что она сформировалась окончательно не раньше мезолита, а может быть, и позже. Во всяком случае, в пользу более ранней даты не свидетельствуют ни палеоантропологические данные (отсутствие более ранних находок с четко выраженными негроидными признаками), ни морфологические соображения (морфологическая специализация и своеобразие негроидного комплекса).

SUMMARY

The division of mankind into three great races is widely prevalent, especially in Soviet anthropological literature. This division has spread from the writings of specialists in physical anthropology into ethnographical literature. However this pattern meets ever increasing objections in new research data which shows a divergence between geographical variations in morphological and in physiological traits. The author sides with the hypothesis according to which mankind was split into two racial branches — a western or Euroafrican one and an eastern or Asiatic one. This split seems to have taken place in the lower Palaeolithic period. The initial type for the formation of the first branch were the palaeoanthropinae of the Skhul group, for the second — the sinanthropus. This bi-centric hypothesis is checked against the results of archaeological investigations and receives from them additional confirmation. Within the two branches the complex of characters of modern man emerged in two forms: forms resembling the Australoids grew up on the base of the Skhul group and those resembling the Americanoids — on the base of the sinanthropus.